

На правах рукописи

Паринова Анна Сергеевна

**МОТИВНЫЙ КОМПЛЕКС РАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ПРОЗЫ
РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ**

Специальность 10.01.01 - Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2018

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Бердникова Ольга Анатольевна

Официальные оппоненты: **Моторин Александр Васильевич**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Новгородский
государственный университет им. Ярослава
Мудрого», кафедра педагогики и методики
начального образования, профессор

Крылова Снежана Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Московский государственный
областной университет», кафедра русской
литературы XX века, доцент

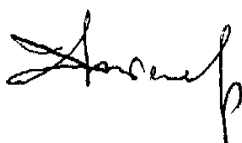
Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Ярославский
государственный университет
им. П.Г. Демидова»**

Защита состоится «26» декабря 2018 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета Д. 212.038.14 в Воронежском государственном университете по адресу: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, ауд. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Воронежского государственного университета и на сайте ВГУ по адресу: <http://www.science.vsu.ru/disser>

Ученый секретарь
диссертационного совета

Александр Анатольевич Житенев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современная литература характеризуется устойчивым интересом к библейским образам и мотивам. Это свидетельствует о ее глубокой связи с традициями русской классики. На рубеже XX-XXI веков появляются произведения, в которых христианские идеи выступают главным сюжетообразующим фактором. В некоторых из них сюжеты выстраиваются на основе мотивного комплекса рая.

М.М. Бахтин подчеркивал необходимость понимания исторического процесса как «процесса становления культуры человечества»¹, в котором восприятие отдельных произведений литературы и искусства невозможно без учета контекста. Его тезис о том, что «литературу нельзя изучать вне целостного контекста культуры»², дает нам основание рассматривать мотивный комплекс рая в современной литературе во взаимосвязи со всеми актуальными для его понимания контекстами, среди которых - литературное, религиозно-философское, а также народное восприятие образа рая. Именно комплекс представлений о рае во всем его многообразии и представляет мотивный комплекс рая, рассматриваемый в данном исследовании.

Основными теоретическими понятиями, используемыми в нашей работе, являются понятия «мотив» и «мотивный комплекс».

За долгие годы теоретического изучения мотива сформировалось несколько подходов (по классификации И.В. Силантьева): семантический (А.Н. Веселовский, А.Л. Бем, О.М. Фрейденберг), морфологический (В.Я. Пропп, Б.И. Ярхо), дихотомический (А.И. Белецкий, А.Л. Бем, В.Я. Пропп) и тематический (Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, А.П. Скафтымов)³.

В монографии И.В. Силантьева «Поэтика мотива» представлена развернутая история вопроса, содержится исследование мотива в отношении к категориям нарратива, события и действия, фабулы и сюжета, хронотопа и темы, героя и персонажа. Здесь сформулировано системное определение мотива: «это а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре

¹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 333.

² Там же С. 334.

³ Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С 68.

предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками»⁴.

Отдельно стоит отметить интертекстуальный подход Б.М. Гаспарова, который позволяет совмещать понятия лейтмотива и мотива: «Имеется в виду такой принцип, при котором мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами»⁵. По мнению Б.М. Гаспарова, мотив может включать в себя и другие мотивы, а структура произведения представляет собой сеть мотивов или комплекс мотивов. Здесь категория мотива оказывается соотнесенной не с традиционной схемой «фабула – сюжет», а с парадигмой «текст - смысл», что особенно актуально для понятия «мотивный комплекс».

В литературоведении рубежа XX-XXI веков в работах ряда ученых новосибирского института филологии СО РАН был предложен «прагматический подход» (В.И. Тюпа, И.В. Силантьев, Е.К. Ромодановская, Э.А. Бальбуров, Н.Д. Тмарченко и другие). Целью этого научного направления было создание словаря сюжетов и мотивов русской литературы, а также дополнительной серии «Материалы к словарю мотивов и сюжетов».

Серия составлена из десяти выпусков: «От сюжета к мотиву» (1996), «Сюжет и мотив в контексте традиции» (1998), «Литературное произведение: сюжет и мотив» (1999), «Интерпретация текста: сюжет и мотив» (2001), «Сюжеты и мотивы русской литературы» (2002), «Интерпретация художественного произведения: сюжет и мотив» (2004), «Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе» (2006), «Сюжет, мотив, история» (2009), «Сюжеты и мотивы в лирике и эпике» (2010), «Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе» (2012).

Авторами «Материалов к словарю сюжетов и мотивов» достаточно много внимания было уделено определению значения мотива как нарративного структурного элемента. Э.А. Бальбуров считает, что в качестве базовой единицы текста выступает мотив, поскольку именно мотив «обладает свободной скользящей референтностью и повышенной способностью к сочетаемости»⁶. Н.Д. Тмарченко утверждает, что «мотив — цикличная,

⁴ Силантьев И.В. Поэтика мотива / И.В. Силантьев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 40.

⁵ Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX в. / Б.М. Гаспаров. – М., 1994. – С. 30.

⁶ Бальбуров Э.А. Сюжет и история: к проблеме эволюции повествовательных форм / Э.А. Бальбуров // Сюжет, мотив, история. – Новосибирск : Наука, 2009. – С. 37.

архетипическая ситуация»⁷, поэтому его правомерно считать общим элементом в составе сюжетов различных произведений, возникавших в различные эпохи.

В.И. Тюпа выделяет внутритекстуальные и интертекстуальные повторы мотивов: «Мотивы литературного произведения суть единицы художественной семантики, глубоко укорененные в национальной и общечеловеческой культуре и быте. В тексте они возникают благодаря семантическим повторам, параллелям, антитезам, а также актуализируются повторами интертекстуального характера (реминисценции, аллюзии)»⁸.

В нашем исследовании мы опираемся на трактовку мотива, основанную на представлении о его семантической целостности, инвариантности и интертекстуальном функционировании. Нам также близка позиция В.Е. Хализева, который трактует мотив как семантически насыщенный компонент произведения, соотносимый с его темой и идеей, но не тождественный им⁹.

Многолетние исследования теории мотива подготовили почву для формирования в современном литературоведении понятий «комплекс мотивов», «блок мотивов», а в конечном итоге более общеупотребимого понятия – «мотивный комплекс». Подобный подход позволяет рассматривать мотив не только на уровне отдельного произведения, но и как связующую точку ряда художественных текстов, которые зачастую принадлежат не только к различным культурным традициям, но и к разным эпохам. Это дает возможность исследовать не только индивидуально-авторское воплощение мотива в художественном тексте, но и рассматривать через его мотивный комплекс взаимодействие культурных традиций.

В 2000-х годах защищается ряд диссертационных работ по мотивному комплексу: Русанова А.Н. «Мотивный комплекс как способ организации эпической драмы: на материале пьес Е. Шварца "Тень" и "Дракон"» (2006), Васильева О.В. «Мотивный комплекс раннего творчества Н.С. Лескова» (2009), Иванов П.С. «Образы стихий и пространственная картина мира в поэзии А.С. Пушкина (мотивный комплекс, мифопоэтика)» (2010), Лаврова Н.Л. «Историческая поэтика мотива (смысловый потенциал мотивного комплекса Нарцисса)» (2011), Близняк О.М. «Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы» (2011).

⁷ Тмарченко Н.Д. Мотив преступления и наказания (введение в проблему) / Н.Д. Тмарченко // Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск: Наука. – 1998, – С. 38.

⁸ Тюпа В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ) / В.И. Тюпа. - М. : Лабиринт, 2001. - С. 82.

⁹ Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – С. 301.

Определенный интерес для нас представляет тезис о внешней и внутренней системности мотивного комплекса (Близняк О. В.): «Внутренняя системность — это состав и взаимосвязь комплексов в произведении, в творчестве одного автора. Внешняя системность - это целостность мотивных комплексов в литературе определенного периода»¹⁰.

Важные теоретические выкладки по поводу мотивного комплекса предложены в диссертации Н.Л. Лавровой «Историческая поэтика мотива (смысловой потенциал мотивного комплекса Нарцисса)». Здесь востребованы теоретические идеи В.И. Тюпы и заявлена проблема трансисторического бытования комплексных мифогенных мотивов. Исследователь соотносит их с понятием «вечных образов» в литературе¹¹. Мотивный комплекс, называемый Н.Л. Лавровой «большим» мотивом, представляет собой интертекстуальный повтор, а значит, по мнению исследователя, «может быть подвергнут полноценному рассмотрению только в ряду своих актуализаций: в ряду произведений определенного автора, жанра или тематики, конкретной историко-культурной эпохи или литературной традиции в целом»¹².

Такое понимание данного термина предполагает, что в составе комплекса присутствуют и мотивы, противоположные друг другу в своей архетипической оппозиции. Н.Л. Лаврова приходит к выводу о том, что в современной литературе происходит аллюзивная актуализация мотивного комплекса, при этом переломные эпохи способствуют радикальным смысловым сдвигам в семантике мотивного комплекса. Эти выводы чрезвычайно актуальны для нашего исследования, выполненного в русле представлений о мотивном комплексе как трансисторической динамической целостности.

Мотивный комплекс рая выявлен нами на основе исследования ряда произведений русской прозы 1990-2010-х годов. Так, в заголовках знаковых произведений рубежа веков были обнаружены общие мотивы, трансформированные из библейского мотива «потерянного рая». В 1994 году была опубликована повесть Л. Бородина «Ловушка для Адама», где, заявив в названии библейский сюжет о первом человеке, автор положил начало

¹⁰ Близняк О.М. Мотивные комплексы как системная характеристика современной русской литературы (на материале творчества А. Бараковой, О. Фокиной, Н. Ключаревой) : Дисс... канд. филолог. наук / О.М. Близняк. – Армавир, 2011. – С.8.

¹¹ Лаврова Н.Л. Историческая поэтика мотива (Смысловой потенциал мотивного комплекса Нарцисса): Дисс...канд. филолог. наук / Лаврова Н.Л. – М. : 2011. – С.3

¹² Там же С.5

актуализации мотивного комплекса «рая» в современной литературе. Через десять лет в свет выходит роман В. Личутина «Беглец из рая» (2005), еще через пять – книга П. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010). В заголовках художественных произведений писателей разных эстетических устремлений мы наблюдаем трансформацию сюжета «изгнание из рая» в сюжет «бегства из рая». Данные сюжеты, входящие в «большой» мотивный комплекс рая (Лаврова Н.Л.), актуализировали в современной литературе тенденцию осмысления, в первую очередь, библейских категорий.

Мотив рая аллегорично содержится и в заголовочных комплексах произведений современной прозы о Соловецком лагере особого назначения. Это книга Б. Ширяева «Неугасимая лампада» (опубликована в России в 1991 г.), роман З. Прилепина «Обитель» (2014), роман Е. Водолазкина «Авиатор» (2016), что свидетельствует об устойчивом внимании к данной теме в литературе последних десятилетий. В данных текстах явно просматривается архетипическая оппозиция «рай – ад», которая входит в единый мотивный комплекс рая, так как представление об аде возникает во многих культурах только в качестве противопоставления категории «рай».

Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современной литературы к библейским образам и мотивам. В диссертации предложено решение научной проблемы современного литературоведения – проблемы функционирования мотивного комплекса рая в произведениях русской литературы.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые выявлены мотивы, представляющие мотивный комплекс рая как системную характеристику современной русской литературы, имеющую ряд содержательных смыслов. Исследованы особенности и общие механизмы функционирования райских мотивов как в художественной, так и в документально-биографической прозе.

Цель работы: выявить особенности функционирования мотивного комплекса рая в образной и сюжетной системе ряда произведений русской прозы рубежа XX-XXI веков.

Поставленная цель привела к решению **следующих задач:**

- 1) выявить корпус современных текстов, в заголовочных комплексах которых прямо или аллегорично заявлен мотивный комплекс рая;
- 2) рассмотреть реализацию «райской» темы в предшествующей русской литературе и основные подходы к её изучению;

- 3) изучить особенности сюжетного функционирования лейтмотива рая и его мотивного комплекса в произведениях, содержащих прямую отсылку к мотиву «потерянного рая»;
- 4) исследовать особенности функционирования архетипической оппозиции «ад – рай» в современной «лагерной» прозе о Соловках;
- 5) осмыслить общие тенденции и индивидуально авторские художественные решения изучаемой проблемы.

Объектом диссертационного исследования являются произведения русской прозы 1990-2010-х годов, включающие прямо или косвенно мотивы рая.

Предметом исследования является функциональное воплощение мотивного комплекса рая в прозе современных русских писателей.

Материал исследования: повесть Л. Бородина «Ловушка для Адама», роман В. Личутина «Беглец из рая», книга П. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая», повесть Б. Ширяева «Неугасимая лампада», роман З. Прилепина «Обитель», роман Е. Водолазкина «Авиатор».

Теоретико-методологической основой настоящей работы стали исследования С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, О.А. Бердниковой, П.Е. Бухаркина, А.Н. Веселовского, Е.А. Гаричевой, Б.М. Гаспарова, А.П. Дмитриева, В.Н. Захарова, И.А. Есаулова, В.А. Котельникова, В.В. Лепехина, Ю.М. Лотмана, А.В. Моторина, Е.К. Ромодановской, И.В. Силантьева, В. И. Тюпы, В.Е. Хализева и др.

В работе использованы сравнительно-исторический, историко-типологический, интертекстуальный, мотивный методы исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии понятия мотивного комплекса, изучении особенностей его функционирования в произведениях с разными повествовательными стратегиями.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения могут быть использованы при разработке лекционных курсов по истории русской литературы, спецкурсов по современной русской литературе, по современной русской прозе для классов с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла и студентов филологических факультетов вузов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На рубеже XX – XXI веков в современной русской прозе актуализируются библейские мотивы. Переломная эпоха сопровождается ощущением разлома, разрушения государственных и нравственных устоев, что

- подталкивает участников литературного процесса к рефлексии, попытке установить взаимосвязь между современностью и традицией.
2. Райская тема осознана как сквозная тема мировой литературы, имеющая ряд смысловых парадигм. В русской литературе присутствуют не только ветхозаветное и новозаветное понимание рая, но и сложившаяся под влиянием национальных фольклорных и европейских литературных источников модель рая и ада.
 3. В ряде современных художественных и документально-биографических произведений доминирует мотивный комплекс рая, прямо заявленный в заголовках, а также выявленный на основе аллюзий и становящийся главным сюжетообразующим фактором в повествовании.
 4. Райский мотивный комплекс в произведениях современной прозы имеет ряд содержательных смыслов: рай как Эдем; рай как социальная /семейная утопия/антиутопия; рай как утраченное прошлое; рай как «психическая реальность»; рай как «отсутствие времени».
 5. Во всех изученных произведениях в мотивном комплексе отмечается архетипическая оппозиция «рай-ад», выходящая на первый план в современной прозе о Соловецком лагере особого назначения. В невыносимых условиях лагерного «ада» писатели показывают способности героев к сохранению «внутреннего рая», в чем проявляется алогизм христианского сознания.
 6. Во всех произведениях заявлена идея о несоответствии рая внешнего (социального/семейного) и рая истинного, в результате традиционный библейский мотив «изгнания из рая» трансформируется в мотив «бегства из рая». Данный мотив трактуется сквозь призму высказанной русским философом С. Л. Франком идеи «бегства современного человека от Бога». Вместе с тем «бегство из рая» оказывается поисками героев рая как особой внутренней гармонии человека с Богом и с самим собой.
 7. Райский мотивный комплекс, выявленный в образной и сюжетной системе ряда произведений, представляющих как традиционную, так и модернистскую прозу, обозначает заметную тенденцию современной литературы.

Апробация работы.

Основные положения работы излагались в докладах на Всероссийской научной конференции «Смотрите, кто пришел: автор и герой новейшей русской литературы (Воронеж: 9-10 октября 2014 г.); Всероссийской научной

конференции «"Воронежский текст" русской культуры: литературные юбилеи 2014 года» (г. Воронеж, 27 ноября 2014 г.); XII Всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения - 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций» (г. Екатеринбург, 13-14 октября 2016 г.); Региональном этапе XXV Международных Рождественских образовательных чтений «1917-2017: уроки столетия», Митрофановские чтения – 2016, (г. Воронеж, 6 декабря 2016 года); Региональном этапе XXVI Международных Рождественских образовательных чтений «Нравственные ценности и будущее человечества», Митрофановские чтения – 2017, (г. Воронеж, 7 декабря 2017); Международной научно-практической конференции Художественный текст глазами молодых (г. Ярославль, 28 октября 2018 г.); Международной научной конференции «Литературная классика XX века» (г. Воронеж, 5 декабря 2017 г.); Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Студенческое сообщество и современная наука» (г. Елец, 6-12 апреля 2018 г.); XIV Международном форуме «Задонские Свято-Тихоновские образовательные чтения. Святитель Тихон Задонский на перекрестке традиций (Афон – Валаам – Задонск – Оптиная Пустынь – Соловки)» (г. Липецк: 26 – 28 апреля 2018 г.), а также на научных сессиях Воронежского государственного университета (Воронеж, 2013, 2018).

Структура диссертации определяется последовательностью и логикой решения поставленных задач. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 237 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначена актуальность избранной темы, поставлена цель исследования, намечены ключевые задачи работы. Также сформулирована теоретико-методологическая база диссертации, перечислены основные методы исследования, определены научная новизна работы, её теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе «"Райская тема" в русской литературной традиции. К истории вопроса»** рассмотрена райская тема как сквозная тема русской литературы – от древнерусской до современной, при этом обозначены лишь наиболее репрезентативные произведения.

На основе работ современных исследователей, так или иначе обращавшихся к исследованию мотивов рая, мы отмечаем этот мотив в древнерусской литературе: в «Повести временных лет» («Речь философа»), в

переводных «хождениях» в сакральные земли, житиях святых («Сказание о Макарии Римском», «Сказание отца нашего Агапия», «Хождение Агапия в Рай», «Житии Андрея Юродивого», «Хождение Зосимы к рахманам», «Житие Протопопа Аввакума»).

В древнерусской литературе проявляется первый аспект интересующего нас мотива «рая», в котором рай предстает как утраченное, потерянное всеми людьми место вечного счастья и благодати. В то же время «Сказание об Адаме» протопопа Аввакума дает устойчивый и вневременный образ кающегося грешного человека, который становится основой для духовного стиха «Плач Адама» (XV в.). С другой стороны, в творчестве Симеона Полоцкого широко используется мотив сада, который содержит райское наполнение, а на основе его метафорического толкования евангельской притчи о делателях винограда сложился топос «сад заключенный», и он понимался как средоточие духовных и моральных ценностей христианства.

М.В. Ломоносов, А.Д. Кантемир, Г.Р. Державин, М.М. Херасков продолжают опираться в своем поэтическом творчестве на вечные ценности и библейские категории, в их произведениях мотивный комплекс рая усложняется, в том числе под влиянием переводов европейской литературы. Подчеркивается связь поэмы Хераскова с «Потерянным раем» Мильтона, рукописный перевод которого благодаря барону А. Г. Строганову в определенных кругах можно было прочесть уже в 1740-е годы. Борьба добра и зла, греха и добродетели, которая происходит в душах людей вне времени и вне пространства, дала поэтической традиции XIX века сквозной мотив «мой демон», а также его антитезу «мой ангел» (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.М. Лермонтов, А.С. Хомяков, А.А. Фет и др.).

Образ «потерянного рая» развивается в творчестве выдающихся русских писателей рубежа XIX-XX веков: в автобиографических произведениях Л.Н. Толстого утраченное детство понимается как эквивалент всеобщего счастья – рая, у А.П. Чехова образ вишневого сада наполняется мотивом утраченной России со всей её барской культурой и вымирающими дворянскими гнёздами.

Серебряный век русской литературы стал эпохой расцвета модернизма и символизма. В это время началось активное взаимодействие мифа с библейскими образами и символами. Особенность этого времени в развитии мотивного комплекса рая заключается в интерпретации поэтами Серебряного века всего пласта мировой истории, культуры и религии в литературе

символизма (А. Блок, В. Брюсов, Ф. Сологуб), акмеизма (А. Ахматова, Н. Гумилев).

Дополнительное наполнение приобретает мотивный комплекс рая в творчестве писателей и поэтов, на чьи судьбы оказали влияние революционные события 1917 года (М.А. Булгаков, И. Бунин, Б. Зайцев, В. Набоков, И. Шмелев, А. Ремизов, М. Осоргин). В их произведениях образ утраченной дореволюционной России совпадает с «райским» жизненным этапом – детством, в результате этот образ мифологизируется и обретает приметы райского мотивного комплекса: «потерянный рай», покинутый многими принудительно, дает развитие сюжета «изгнания из рая».

Безусловно, мотив ада и образы «Божественной комедии» были актуализированы в произведениях А.И. Солженицына, в первую очередь, романе «В круге первом», что оказало влияние на всю «лагерную прозу» второй половины XX века.

Подводя итоги первой главы исследования, мы отмечаем ряд смысловых парадигм, связанных с мотивным комплексом рая как кросс-культурным понятием, «вечным сюжетом» русской литературы, беря во внимание, что идея ада и рая является важнейшей онтологичной идеей всей мировой литературы.

В русской литературе присутствует как Ветхозаветное, так и Новозаветное понимание рая. Он зачастую представлен как особое место на земле (мифический остров, дом-семья, сад-Эдем). Внутренний рай – духовный – становится стремлением большинства героев классической русской литературы, чему способствует тот факт, что этот мотив реализуется зачастую в контексте обращения героя к Церкви, духовным добродетелям человека, попытке обрести «Царство Божие внутри нас».

Таким образом, русская литературная традиция выработала целый ряд парадигм понимания рая и ада, которые вбирает в себя райский мотивный комплекс. Он дает систему понятий, ставших не только религиозными, но и общекультурными символами. Они в том или ином виде нередко играют сюжетобразующую роль во многих произведениях русской литературы, в том числе и современных. Как бы «программируя» фабульную основу прозаических и поэтических текстов, они обеспечивают рецепцию Библейского сюжета.

При изучении мотива рая во **второй главе «Мотив “бегства из рая” в современной литературе»** мы обратились к произведениям современных авторов, имеющих разные художественные устремления. Это модернистская

повесть Леонида Бородина «Ловушка для Адама» (1994), роман писателя-традиционалиста Владимира Личутина «Беглец из рая» (2005) и книга документально-биографического жанра Павла Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» (2010).

Выбор текстов в настоящей главе исследования обусловлен прямым упоминанием в названиях произведений мотива «бегства из рая», трансформированного из библейского мотива «изгнания из рая». Мы считаем, что в данном случае именно название таит в себе ключ к наиболее полному пониманию авторской идеи произведения, ведь самые общие названия места, как правило, свидетельствуют о предельно широком значении создаваемого художником образа¹³.

Интересно, что в заголовках всех этих трех текстов мы видим отрицательную коннотацию, связанную с понятием «рай»: «бегство», «ловушка». Причем в двух из них обозначено стремление человека покинуть рай по собственной воле: в повести В. Личутина «Беглец из рая» и книге П. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая». Мы наблюдаем трансформацию мотива «потерянный рай», связанную с внутренней мотивацией персонажей покинуть место, которое зачастую считается лишь иллюзией «рая», профанацией идеального мира.

В параграфе **2.1. «Утопический рай в повести Л. Бородина “Ловушка для Адама”»** рассмотрен мотивный комплекс рая в повести «Ловушка для Адама», который представлен богатым спектром семантических вариаций. В центре повествования герой-грешник, с которым в современной литературе соотносится сюжет «бегства из рая», трансформированный из традиционного «изгнания из рая».

В первую очередь, это воссозданная писателем картина традиционного понимания «рая» как обособленного от окружающего мира идеального места с нетронутой природой и праведными людьми, живущими по законам Божиим. Л. Бородин создает в повести идеальный, казалось бы, догреховный мир, в который помещает современного ему человека. Он моделирует рай для главного героя, дает возможность современному Адаму победить человеческую природу и остаться в этом идеальном месте. Но это не удастся, главный герой снова

¹³ Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др.; под ред. Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк.; Академия, 1999. – С. 68

оказывается изгнан из него, правда, самим собой. Убегая из рая внешнего он стремится на поиски рая внутреннего, истинного.

Используя райские мотивы, Л. Бородин моделирует некую утопию семейного рая, где царит только любовь, понимание, вера и отсутствует понятие греха. Однако существование такой модели по Бородину возможно только в обособленности от внешнего мира, семья не выдерживает вмешательств извне, и повторяется библейский сюжет искушения Евы Змием. Однако в финальном эпизоде, когда герой отплывает от острова, оглядываясь на берег, он видит, что его провожает такая же полная семья, в которой ничего не изменилось и не разрушилось. Изменения произошли только в нем самом, писатель дает надежду на обретение «новым» Адамом рая духовного как внутреннего ощущения гармонии с Богом и собой.

Параграф 2.2. «"Беглец" в поисках рая на земле (роман В. Личутина "Беглец из рая")» посвящен вопросам функционирования мотивного комплекса рая в традиционной прозе. К анализу привлечено произведение, которое можно отнести к прозе о деревне.

Одним из вариантов Эдема на земле становится деревенский «рай» в произведении В. Личутина «Беглец из рая». Главный герой романа, Павел Хромушин, мечтает вернуться к исконному образу жизни в христианском понимании: уехать жить на лоно природы, в деревню, воспитывать детей, трудиться. В его представлении истинный «рай» ассоциируется с понятиями «деревня», «семья», «родина».

В романе «Беглец из рая» В. Личутин акцентирует внимание на главной причине «логических сбоев», произошедших в обществе: оторванность от своих корней, отход от традиционных нравственных устоев, обычаев. Память «родовых» влечет героя в деревню, где человек находится ближе к своему исконному природному состоянию, только там для Хромушина является возможным обретение гармонии и счастья, с этим местом связаны райские мотивы: сад, дом, женщина, яблоко. Однако возвращение в Эдем невозможно, несмотря на внутреннее желание героя, пока не будет устранен разлад, происходящий внутри него самого.

Прошлое героя соотносится с неким административным раем политической элиты. Ему соответствует мотив материального изобилия, что отражает общественное сознание советской эпохи, когда «райской» казалась жизнь советской и партийной номенклатуры. Хромушин «бежит» из него и остается не понят окружающими в своем неприятии такой жизни, это дает

представление и о людях нового поколения, для которых деньги и квадратные метры становятся пределом мечтаний.

Однако и среди «молодежи» еще остаются чистые сердцем люди, стремящиеся к традиционным ценностям, к раю семейному, который ищут и Татьяна, и Павел Хромушин, пытаясь обрести настоящую семью и смысл в жизни. Но семейный «рай» становится ложным стремлением для героев. Татьяна кончает жизнь самоубийством, а, казалось бы, обретенное главным героем счастье - долгожданное появление семьи и будущее отцовство - отрицается стремлением Хромушина покушать «яблочки наливные», а так же последней строкой романа («И вдруг в сердце моем проснулась ревность»), что свидетельствует о зыбкости и ирреальности существования для главного героя деревенского «рая на земле». Единственной истинной возможностью его обретения становится в романе поиск гармонии человека с миром, с Богом и с самим собой.

В параграфе **2.3. «Мотивный комплекс рая в документально-биографической прозе (книга П. Басинского “Лев Толстой: Бегство из рая”)**» рассмотрена книга, основанная на реальных исторических событиях: уходе Л.Н. Толстого из Ясной Поляны накануне смерти.

Уже в названии П. Басинский использует метафору, передающую отношение главного героя к Ясной Поляне. Именно это место в большинстве своих писем и дневников Толстой называет «раем». Слово «бегство» в названии также метафорично, словно копируется писателем у В. Личутина («Беглец из рая»). Используя в названии трансформированный библейский сюжет, Павел Басинский на основании строго исторической документации реконструирует уход знаменитого классика из Ясной Поляны «накануне» смерти.

В сюжете книги Павла Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» одним из ключевых мотивов мы считаем мотив рая, который реализуется в данном произведении в образе рано утраченного писателем детства. Его идеализация способствовала, в дальнейшем, созданию в воображении писателя собственного рая как «проекта семьи», который он, хоть и не смог претворить в реальную жизнь, но основные его идеи попытался отобразить на страницах своих лучших романов.

Мотив рая в книге связан и с обителью – Шамординским монастырем и Оптиной Пустыней. К ним стремится герой в попытках обрести внутреннюю гармонию души. Это стремление и стало основополагающей причиной бегства из профанного семейного «рая» в рай монастырский, а в конечном итоге – в рай

как внутреннюю примиренность с собой и миром. Особенность данного мотива в книге Басинского состоит в том, герой ищет рай истинный, стремясь перед смертью остаться в стенах монастыря как райской обители, но внутренние противоречия не дают ему возможности обрести покой и внутреннее смирение ни в монастыре, ни в Астапово.

Конечно, книга П. Басинского представляет дискуссионный материал для мотивного анализа. Однако с точки зрения типологии героев великий писатель в данной книге также представляет тип русского героя, ищущего правды жизни, внутреннего рая. Тем не менее, мы осознаем несоизмеримость реального человека, гениального писателя, графа Льва Николаевича Толстого и вымышленных персонажей в произведениях Л. Бородин и В. Личутина. По нашему мнению, П. Басинский несколько упрощает жизнь Толстого, спрямляет его личность, «подгоняя» его уход под свою концепцию «бегства из рая».

Сюжет построен на документальном материале, но вместе с тем, подчинен художественной цели: не только заявить свою критическую позицию по отношению к жизненному пути гениального писателя, но и показать, как в Толстом отражается судьба человека XX века. Мотив рая в книге Павла Басинского «Лев Толстой: Беглец из рая» наполнен разными субъективно-личностными для главного героя смыслами, однако они являются типичными и для современного человека, также «бегущего из рая».

Глава «Антиномия “рай” и “ад” в сюжетах современных произведений о Соловецком лагере особого назначения» посвящена внутренней оппозиции, содержащейся в самом мотивном комплексе рая. Наполнение образа Соловецких островов, на которых функционировал СЛОН, райскими мотивами говорит об особенностях, двойности этого места в восприятии современников.

В последнее десятилетие отмечается обращение к Соловецкому лагерю особого назначения в прозе сразу двух наиболее значимых авторов нашего времени: З. Прилепина и Е. Водолазкина. Безусловно, описанные события, происходившие на Соловках в реальности, имеют место во многих мемуарах заключенных, однако, по признанию самих писателей, именно книга Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» явилась своеобразным импульсом для обращения к этой теме в XXI веке.

В параграфе 3.1. «Райские мотивы как основа сюжета в книге Б. Ширяева “Неугасимая лампада”» рассматривается «возвращенное» произведение соловецкого узника, реального свидетеля происходивших там

событий. Очевидно, что перед нами все-таки художественное произведение, основанное на автобиографическом материале, а не детальный отчет о пережитых автором событиях.

Лагерная тема скрыта в данном произведении, не заявлена в его заголовочном комплексе. Зажигание лампы – благочестивая традиция, которая символизирует непрестанную молитву христиан к Богу. Поэтому «неугасимая лампа» – устойчивый христианский образ, отсылающий, в первую очередь, к Вечному Благодатному огню.

Истории лагерников, воспроизведенные Ширяевым, показывают нам бесконечную силу духа людей, находящихся в невыносимых жизненных условиях, но при этом сохранивших самих себя, свой собственный «рай» в чистоте и праведности.

В данном произведении мотив рая реализуется, в первую очередь, в качестве антиномия ада лагерной жизни. С целью подчеркнуть контраст Соловков периода СЛОНА и дореволюционного прошлого этого места, писатель использует мотивный комплекс рая для описания Соловецкой монастырской обители. Однако вовсе не место играет определяющую роль в главном выборе, стоящим перед каждым человеком.

Для того чтобы подчеркнуть эту идею, Ширяев на примере «мужицкого царства» Урней представляет перед читателем рай как некое утопическое место, изолированное от окружающей среды, сохранившее устои традиционной Руси. Но в то же время писатель показывает нам профанность такого «рая», его нереальность и неспособность устоять перед катастрофой. Единственное, что может уцелеть в любых, даже самых невыносимых условиях, по Ширяеву – рай в душе человека, и главная задача каждого – сохранить внутри Царство Божие.

Особенность повести Бориса Ширяева «Неугасимая лампа» – отношение к Соловецкому лагерю в большей степени не столько как к месту заключения и мучений, сколько как к сакральному топосу, открывающему человеку путь к собственному «раю». В этом проявляется алогизм православного сознания. Внешний «ад» здесь снова является импульсом для поиска внутреннего рая, чем открывает понимание Соловецкого лагеря особого назначения, как обители, способной дать нужный вектор для внутреннего развития героев. Такое восприятие лагеря наследуется и современными писателями: они также видят в нем не только и не столько ад – но особое сакральное – пограничное – место, которое дает человеку возможность как обрести «рай» внутри себя, так и оказаться в собственном «аду».

В параграфе 3.2. «Рай» и «ад» как внутренняя и внешняя реальности в романе Захара Прилепина «Обитель» обнаружено, что З. Прилепин продолжает заявленную Ширяевым оппозицию «внешний ад лагеря» - «внутренний рай души», но Прилепин делает акцент на процессе сопротивления, зарождения «рая» в грешнике.

Понятие «обитель», заявленное в названии романа Прилепина, в человеческом сознании ассоциируется с монастырем, местом Божьей благодати. Оно задает нужный вектор понимания данного текста, обращает внимание на его прочтение с точки зрения библейской символики и современного прочтения библейских сюжетов. Тем не менее, оно наделено аллюзивным содержанием, отсылающим к поэзии XIX-XX века (А.С. Пушкин, Н.А. Некрасов, И.А. Бунин). В результате, название романа противопоставлено его предмету изображения, заявляя этим двойственность, лежащую в основе этого места.

«Рай» и «ад» в их взаимодействии представлены в «Обители» как внутренние, «психические реальности» (преп. Иустин (Попович)), сосуществующие в Артеме Горяинове и ведущие его из тьмы неверия к прозрению. Жизнь заключенных в лагере сравнивается с кругами ада Данте, при этом герой словно проходит через них, испытывая на себе самые разные лагерные «сюжеты»: от тяжёлых «общих работ» до почти вольного труда в лисьем питомнике, от положения приближённого к начальнику лагеря до заключённого расстрельного карцера. Автор испытывает своего героя, наблюдая за тем, как будет меняться его поведение и внутреннее состояние в зависимости от ситуации. Но герой остается верен себе и, поэтому, везуч.

Протест Артема против отцовского греха перевернул его жизнь: герой попадает практически в «ад». Убивая отца, он уничтожает для себя всю прошлую спокойную тихую жизнь начала XX века, стирает себя из ушедшей России, и назад пути у него нет. В утопическом мире лагеря герой заново строит свою жизнь без оглядки на прошлое, он понимает, что у него есть теперь только эта чудовищная лагерная реальность, в которой ему придется и умереть.

Однако и в лагерном аду существовали люди, которые смогли сакрализировать свой быт даже в таких невыносимых условиях. В этом контексте интересно описание жилища старика-рыбака, отца Феофана. Бывший монах, проживший на острове четверть века, обустроивает не только своё жилище, но и «красный» угол.

Свою реальность выстраивает здесь и начальник лагеря Эйхманис, который имеет реального прототипа по фамилии Эйхманс. Он занимается

строительством «нового» на обломках «старого», пытаюсь создать в лагере утопическую модель мира со своим театром, музеем, зоосадам, научной станцией. В то же время он усердно ищет клады, зарытые монахами, не желая полностью отрывать себя от ушедшего прошлого. Образ этого героя достаточно противоречив. Он однозначно является одним из центральных персонажей в повествовании, реализуя ту же идею двойственности, что и Артем Горяинов.

Видоизменяя реальную фамилию начальника лагеря, писатель снимает биографическую привязку, оставляя место художественному вымыслу. В результате перед нами появляется персонаж-демиург, пытающийся сконструировать свою модель «рая» на базе исправительно-трудового лагеря. Очередная попытка создания утопической модели будущего терпит крах вместе с гибелью самого Эйхманиса. Контраст между первым начальником лагеря и Ногтевым подчеркивает то, чем стала в результате советская система, зарождающаяся, по мнению Прилепина, «благими намерениями».

Бегство Артема из лагеря становится бегством из «ада». Этот эпизод романа имеет ярко выраженное аллюзивное звучание. Плывающая в тумане лодка – устойчивый символ, обозначающий сразу несколько мотивов в развитии сюжета. Это символ переправы из одного мира в другой, а также символ спасения в христианской традиции. Герой ни на что не надеется, не верит в чудо, он скорее мечтает о несбыточном «рае» под названием «Норвегия». Но как только на море опускается ночь и все вокруг поглощает темнота, Артём понимает, что не осталось ничего, кроме веры и надежды. Во время шторма герой внутри себя взывает к Богу, эта сцена показывает нам уже другого Артема, стремящегося к свету, наполненного любовью к миру, готовому пожертвовать собой ради жизни другого.

В параграфе 3.3. «**”Рай – это отсутствие времени” (роман Е. Водолазкина “Авиатор”)**» мы находим несколько содержательных смыслов мотива рая, как традиционных, так и индивидуально-авторских. Например, «рай» утраченного детства, по времени совпадающего с дореволюционной Россией, напоминает появившийся еще в творчестве писателей-эмигрантов мотив «потерянного рая» России. Мы видим использование Водолазкинским уже трансформированного и закрепившегося в творчестве ряда писателей мотива, что позволяет говорить об использовании современными, особенно модернистскими писателями, всего кросс-культурного кода, связанного с понятием «рай».

В «Авиаторе» Водолазкин при описании детства героя заявляет: «Рай – это отсутствие времени». Мотив традиционного для русской литературы «райского» состояния души, присущего ребенку, становится толчком для развития сюжета, в котором герой приобретает возможность вырваться из линейного времени во вневременное состояние, но герою не дается возможность уйти в вечность, он возвращается обратно, чтобы осознать и искупить свои грехи.

Герой соотносит свое утраченное детство с «райским» состоянием души, противопоставляя его «аду» Соловецкой жизни как модели советской зарождающейся системы. Изображение Сиверской, реки Оредежь, соотносит героя с героями Набокова, который, как и другие писатели эмигранты, в своих произведениях также соотносил образ утраченной России с потерянным раем.

Внутренний рай души главного героя, который совершает свой путь к обретению покаяния, также соотносим со сквозным мотивом русской литературы – мифом о «великом грешнике». При этом на пути герою Водолазкина приходится пройти через смерть, которая в данной фантастической ситуации противопоставлена аду соловецкой жизни и наделена райскими мотивами. Это позволяет говорить об индивидуально-авторском наполнении мотивного комплекса рая.

По мнению писателя, время не имеет власти над сущностью человека, над его духовностью, поэтому смерть героя во время заморозки становится для героя не концом, не адом, где он получит наказание за свои грехи, а возможностью обрести свой рай в новом мире.

Герою романа «Авиатор» в созданной автором фантастической сюжетной ситуации удается «бежать» из Соловецкого «ада/рая» больницы «благодаря» замораживанию в камере с жидким азотом. Но, оказавшись в XXI веке, он не находит себе места в «райской» современной жизни, где у него, казалось бы, восстановлено все: семья, любовь, дружба, благосостояние. Он снова и снова «бежит» в прошлую жизнь, пытаясь восстановить утраченные в памяти события его собственного «истинного рая». Попытка героями обрести рай духовный, внутренний, который представляет понимание рая как психической реальности (преп. Иустин), душевного мира человека становится единственной возможностью обрести истинный рай.

В **Заключении** подведены итоги и сформулированы основные выводы исследования. На основе исследования ряда знаковых произведений русской

прозы 1990-2010–х годов выявлены общие мотивы, представляющие мотивный комплекс рая в современной русской литературе.

Христианские и общекультурные смысловые и образные парадигмы выступают главным сюжетообразующим фактором в произведениях, принадлежащих как традиционной, так и модернистской прозе. Каждый из современных авторов по-своему взглянул на вечную проблему столкновения «рая» и «ада» внутри человека и за его пределами, выстраивая индивидуально-личностное понимание данных религиозных и общекультурных категорий. Вместе с тем мы отметили ряд общих тенденций в типологии героев и сюжетных «схемах» данных произведений.

В художественных произведениях дан тип героя-грешника, с которым соотносится сюжет бегства из рая, трансформировавшийся из традиционного сюжета «изгнания из рая». В произведениях документально-биографического жанра герой как реальное историческое лицо во многом «встроен» в концепцию писателя.

Во всех произведениях, даже там, где рай становится метафорой социальной утопии или детства как особого периода жизни, эта смоделированная авторами реальность лишается четких временных характеристик. Райские (вечные) образы обретают вневременные черты как признаки «метафизического круга Истины» (арх. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)).

«Рай» и «ад» все писатели трактуют в русле христианской традиции, прежде всего как «психические реальности» (преп. Иустин (Попович)), существующие в душевно-духовном мире человека. Остальные модели рая осознаются авторами всех произведений в той или иной степени профанными. Попытка героями обрести рай духовный, внутренний становится единственной возможностью обрести истинный рай. Именно это усилие воли и заявлено современными русскими авторами как главная духовная проблема рубежной эпохи.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Паринова А. С. Библейские сюжеты в прозе Леонида Бородина («Ловушка для Адама») / А. С. Паринова // Образование и общество. - 2014. - №87 - Т.4. - С. 127-130.
2. Паринова А. С. Символика названия романа Захара Прилепина «Обитель» / А. С. Паринова // Вестник Воронежского Государственного Университета. - Серия: Филология. Журналистика. –2017. - №1 - – С. 33-37.
3. Паринова А.С. Мифологема ада и рая в современной литературе / А. С. Паринова // Вестник Воронежского Государственного Университета. – Серия : Филология. Журналистика. – 2018. - №2. – С. 39-43.

Публикации в других изданиях:

4. Паринова А.С. Проза В. Личутина в контексте современного литературного процесса // «Смотрите, кто пришел: автор и герой новейшей русской литературы: материалы Всероссийской научной конференции (Воронеж : 9-10 октября 2014 г.) – Воронеж: 2015. – С.69-76
5. Паринова А.С. Провинциальный «рай» в романе В. Личутина «Беглец из рая» // "Воронежский текст" русской культуры: литературные юбилеи 2014 года : по материалам Всероссийской научной конференции (г. Воронеж, 27 ноября 2014 г.)- Воронеж: 2015. – С.74-81.
6. Паринова А. С. Мотив «бегства из рая» в современной российской прозе (повесть «Ловушка для Адама» Л. Бородина, роман «Беглец из рая» В. Личутина) / А. С. Паринова // Дергачевские чтения - 2016. Русская словесность: диалог культурно-национальных традиций : материалы XII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 13-14 октября 2016 г.) : К 70-летию Объединенного музея писателей Урала. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. — С. 170-176.
7. Паринова А.С. «С чего бы мне опять умирать?» (проблематика и герой романа З. Прилепина «Обитель») / А. С. Паринова // Митрофановские чтения – 2016. Региональный этап XXV Международных Рождественских образовательных чтений «1917-2017: уроки столетия» (г. Воронеж, 6-8 декабря 2016 г.) – Воронеж: 2018. – С. 173-180
8. Паринова А.С. Соловецкая тема в современной литературе / А. С. Паринова // Художественный текст глазами молодых: Материалы международной научно-практической конференции (г. Ярославль, 28 октября 2018 г.) - Ярославль: 2018. – С. 142-146.

9. Паринова А.С. Роль современной литературы в формировании ценностно-смысловой компетенции личности / А. С. Паринова // «Литературная классика XX века: актуальные подходы: монография: посвящается столетию со дня рождения А.М. Абрамова /под ред. Т.А. Никоновой; Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018 – С.286-291.

10. Паринова А.С. Образ «рая» в книге Павла Басинского «Лев Толстой: бегство из рая» / А. С. Паринова // Студенческое сообщество и современная наука: материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (6-12 апреля 2018 г., г. Елец). – Выпуск 4. / Под ред. Д.В. Щукина. - Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2018. – С. 290-294.